

для авторов «Трех од»: когда Тредиаковский сделал полный прозаический перевод «Науки поэзии», он передал *divinis vatibus* как «божественные прорицатели».

Итак, участники спора стязуют как награду честь и славу. Они соревнуются в литературном диспуте не филологическими аргументами, а одами. Встает вопрос: *в чем* в этом случае состоит состязание для его участников? В том, кто может написать более грандиозную оду (т. е. кто из них лучший поэт) или чье знание поэзии, на которые они опираются, правильнее? Мне кажется, что, имея в виду сущность состязания, эти два аспекта необходимо разграничить и противопоставить друг другу.

Однако весьма примечательно, что в 1744 г. стихотворцы стремились, чтобы «все читающих общество» исключило первый аспект спора: «...подаются оне (оды, — А. III.) свету не в таком намерении, чтоб рассмотреть и определить, которой из них лучше и великолепнее вознесся. Сие предпочтение могло бы им быть всем троим обидно: ибо праведно есть, что все трое не подлым искусством сочинили свои стихи и что трудный и прерывный разум псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность их жара и изображений, а удивительное согласие разума здесь предлагается» (6). Как оказывается, намерение стихотворцев состоит не в том, чтобы определить, кто написал оду лучше. Такое понимание любопытствия «обидно» (т. е., по Далю, в бесчестье, в порицание, в поношение) всем его участникам. «Все трое» написали оды «не подлым», т. е. изрядным, хорошим (и, заключая далее, равным) мастерством. Читатель должен определить, план выражения какой оды лучше передает «высокость», «благородство» и «великолепие», имея в виду, что «разум» тождествен во всех переложениях. Таким образом будет решен вопрос о семантической окраске метра.

Перед нами тезис, что целью стихотворцев не является определение лучшего среди них. Задача всего приведенного отрывка предисловия — принудить читателя воспринимать «Три оды» не как состязание. Каждый стихотворец как бы признает равноправие точки зрения другого. Он спорит и состязается не с целью победить. Представляя себе личности Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского, нам трудно принять, что этот тезис мог исходить от них. Но таковы их слова. Что же означает декларация об отказе от соревнования? И здесь, видимо, нужно еще раз обратить внимание на то, что соревнование 1743 г. — первое в России поэтическое состязание. Ответ может быть найден, если мы рассмотрим, как воспринималась и какие формы принимала идея состязания в период, непосредственно предшествующий состязанию трех стихотворцев.

2

Если в разные эпохи истории Западной Европы (в особенности во времена античности и Возрождения) состязание было одним из главных способов культурного существования, то русская